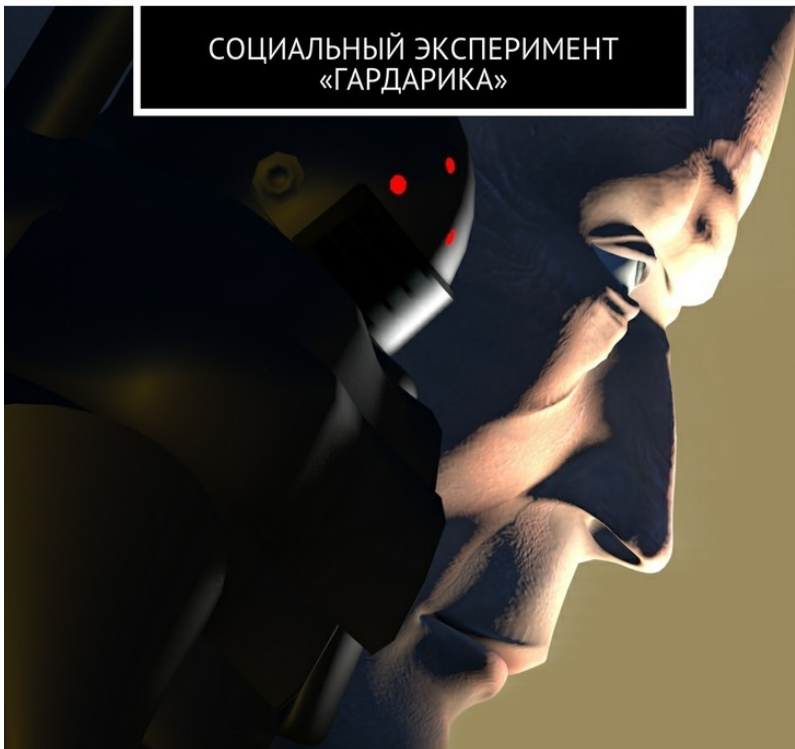

CHUGUN&BRONZA

Исповедь

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
«ГАРДАРИКА»

Chugun&Bronza
**Исповедь. Социальный
эксперимент «ГАРДАРИКА»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282445

ISBN 9785448384455

Аннотация

«Бьет метко, держит крепко» фокус-группа «Исповедь» – драма, душеприказчиком в которой становится сам читатель. Хроника возможного будущего и того, каким оно не должно стать. Приключение человека, обретающего в конце пути свою Судьбу. История представлена в прогрессивной форме «шорт-бук», создающей альтернативу громоздким, содержащим прописные истины книгам.

Содержание

Вступление	5
I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Исповедь

Социальный эксперимент «ГАРДАРИКА»

Chugun&Bronza

Иллюстратор А. С. Пастуков

© Chugun&Bronza, 2017

© А. С. Пастуков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8445-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все изложенные в рассказе события вымышлены. Любые совпадения имен и названий случайны и не имеют никаких аналогий с действительностью.

Вступление

*Просто НЕ ВЕРЬТЕ тому, что видите!
Единая святая католическая и апостольская Церковь
Нового Ватикана.*

Я НЕ ВЕРИЛ тому, что вижу! Я просто стрелял. Стрелял и орал, что есть мочи. Мне было страшно. Господи, как же мне было страшно!

Чудовищной силы металлические лапы сдавливали мои ребра, и я уже слышал противный хруст керамики бронежилета. Но боли еще не чувствовал, только страх.

Наверное, я разрядил в это чудовище, в эту исполинскую чернильную тень, весь магазин. Рикошеты от выстрелов шли мои конечности, как иглой! Только я этого еще не понимал. Как мог, бился, вырвался. Стрелял прямо в упор (и откуда взялись патроны?). Но металлические пальцы не разжимались. Я был совершенно бессилен. Хлюпающий треск заглушил все остальные звуки. Отче наш! Как же больно! Он сломал меня.

Так просто.

Я обмяк.

Обмяк и поплыл...

В медицинской кровати, со слегка приподнятой спинкой,

полулежа, дремал пожилой мужчина. Он не выглядел дряхлым. Но по восковому цвету кожи, которую обильно покрывали рыжие пятна, тяжелому, рыбакому взгляду, можно было понять, что человек очень стар и готовится к тому, чтобы умереть. Очнувшийся после тревожного забытья, он судорожно дышал, конвульсивно вздрагивая всем телом.

Его сильные, загорелые предплечья, на одном из которых красовалась подновленная варварская татуировка, покоились поверх покрывала. К ним, словно диковинные пиявки, присосались иглы и датчики медицинского оборудования, тянущиеся из кровати.

– Вам комфортно? – произнес учтивый женский голос.

Старик слегка склонил набок голову и, скосив глаза, посмотрел на поручень медпостели. Потом жадно хватанул ртом воздух и возвратился в прежнее положение.

– Вам комфортно? – повторил голос с той же интонацией.

– Темно, – неразборчиво прошептал он. – Настюш. Отдерни штору.

– Противопоказаны раздражающие факторы.

– Темно, – упрямо бормотал старик. – Сжался, родимая.

– Противопоказаны раздражающие факторы.

– Хочешь? Поцелую. Не злись. Я тебе, – слабо улыбнулся, – сережки купил, – потом тяжело выдохнув, добавил. – Ну не дура, ли?

Но голос принадлежал не менее упрямому существу, которое продолжало механически повторять одну и ту же фра-

зу. Спустя какое-то время оно замолкло, раздался громкий писк, и по одной из трубочек, впившихся в предплечье, побежала белесая жидкость. Старик откинулся на подушку и закрыл глаза.

Он очнулся резко, встревожено. Его рот зло искривился, прежде чем открылись глаза. Старик выругался, а потом добавил:

– Отдрай люки, курва!

– Запрет врача, – спокойно отвечал прежний голос.

– Засунь себе его в кулер! И спинку мне подыми.

Спинка послушно приподнялась. Старик сел.

– Который час, лярва автоматическая?

– 14:00 по времени Полиса.

– Где мы?

– Корабль Фисалия пересекает Мозамбикский пролив.

Приближаемся к острову Жуан-ди-Нова¹.

– Почему, я плыву на самом современном и дорогом корабле, при этом не вижу ни океана, ни солнца?

– Запрет вашего лечащего врача.

– На все у тебя есть ответ, дурилка ты интерактивная, – и Старик с силой хлопнул ладонью по поручню кровати.

Взгляд его подслеповатых глаз хищно обшарил каюту. Кисти рук, при этом, мелко вздрагивали от нездорового воз-

¹ 1. Жуан-ди-Нова (фр. *Île Juan de Nova*) – остров в 1/3 пути между Мадагаскаром и Мозамбиком.

буждения. Он словно искал какие-то изменения в обстановке, но все выглядело по-прежнему.

Тоже просторное помещение, со сводчатым потолком, выдержанное в холодном мятном тоне. С обеих сторон жесткие изогнутые кресла. Есть живые цветы, но их немного. Тихо звучит электронная музыка, с фрагментами хоралов. Воздух разряжен, изредка слышно резкое шипение ионизатора, пахнет искусственной свежестью, и немного лекарствами.

Панорамное стекло потолка тонировано, и солнечный свет внутрь не проникает. Единственное яркое пятно в каюте – это штандарт Швейцарской гвардии Нового Ватикана², который висит у выхода.

– Где трупеды? – спросил Старик

– Ваши родственники, – вежливо ответила кровать, – придут проститься с Вами ровно в 14:40.

– А ксендз?

– Отец Августин, прибудет вместе с ними.

Старик замолчал.

– Вам комфортно? – повторил настырную фразу голос.

– Я умираю.

– Рекомендую релаксирующую музыку.

– Да иди ты...

И он поднял руку, а потом расслабленно уронил ее на по-

² 2. По аналогии с Пехотной когортой швейцарцев священной охраны Римского папы. Швейцарская гвардия – основана в 1506 году. Единственный в настоящее время вид вооружённых сил Ватикана. Полностью состоит из наемников имеющих швейцарское гражданство.

стель.

Кровать замолчала. Старик откинулся на подушку, и стал внимательно разглядывать штандарт. На фоне бледных зеленоватых стен: синие, желтые, красные полосы, по наемничьи броские и безвкусные, резали ему глаза. Он смотрел на штандарт, крепко поджав губы, и при этом часто моргал.

Старик размышлял. Несмотря на болезнь и приступы бреда, в основном состоянии, его мозг продолжал оценивать ситуацию, так же остро, как и раньше на боевых операциях.

«В этот раз я костлявую не обману, – сказал он сам себе. – Этого отрицать нельзя». И добела сжал губы, не отрывая взгляда от штандарта. «Да, я и не против, – продолжил Старик уже мысленно. – Надоело обманывать. Всех обманывать: людей, живых, мертвых. Подумать только, более сорока лет, мне это давалось легко, а сейчас, перед самым карачунном, силы то и кончились. Зря я себя мучаю. Раз меня ждет исповедь, скажу просто: родился, женился, воевал, участвовал в Северном Крестовом походе, стал героем. За геройство произвели в подполковники Швейцарской гвардии. Без проволочек – за большую заслугу перед Новым Ватиканом. Какую? Говорю же, большую, раз смирились с тем, что я русский. Каюсь, святой отец, задавил в шестилетнем возрасте котенка велосипедом, убивал, брал за это деньги, мародерил, блудил. Год с женой во грехе прожил. Богохульничал. Но купил многое, пролив кровь во имя Святого Престола. Дайте умереть с миром».

Неожиданно он сипло рассмеялся, а когда закончил, отер краем ладони, мокрую от шальной слезы, щеку: «В конце концов, своих целей я добился. Обеспечил достойную жизнь дочерям. Теперь они гражданки Полиса, почетные гости Ватикана. Это многое значит в современном мире.

Вот только, дуры, мужей себе нормальных не нашли. Зятя – кастраты петушатся, а внуков делать не хотят. Придется нормальных мужиков из Пустоши нанять. Стыд конечно, но потерпят. Нужно род продолжать, чтобы все мои старания впустую не ушли», – его голова конвульсивно дернулась. – «Вся жизнь, как на ладони. Столько сделал, столько пережил. Мать с отцом не одобрили бы... Особливо отец».

– К вам посетители, – прервал голос размышления Старика.

– Что? Уже?! – каркнул он, и неловко встрепенулся.

Автоматическая дверь каюты что-то прострекотала, открывая гермозамки, а потом проворно отползла в сторону, пропуская в каюту группу высоких молодых людей в темно-синей форме швейцарской гвардии. Двое из них несли подушечки с орденами. Они прошествовали строем, один за другим, высоко поднимая голову, как почетный караул, а потом встали в ряд вдоль левой стены. Старик посмотрел на них, и удовлетворенно крякнул.

Следом вошли две немолодые женщины, внешне поразительно похожие друг на друга, но в то же время совершенно разные. Обе они были одеты в незамысловатые полимерные

платья с принтом «urban cam». Интерактивные очки проецировали на лица золотые полуваули, за поволокой которой, их глаза казались двумя брошенными в воду монетками. Одна, та что пониже и коренастей, держала в руках четки. Другая, выше и суше, нервно теребила пьезодинамик за ухом, но при этом делала вид, что оправляет безупречную прическу. Они направились к дальней стене каюты, и остановились у изножья кровати.

Чуть отстав, за дамами вошли трое мужчин. Один из них был отец Августин, строгий и деловитый, двое других, под стать женщинам – разные, но в то же время одинаковые. Вот только, похожи они были не родственными чертами, а общей амбициозной чистоплотностью дельцов, с которой они привыкли представлять себя в обществе.

Старик проигнорировал их появление, и сразу обратился к отцу Августину.

– Какова будет процедура? – спросил он.

Священник улыбнулся мягкой кошачьей улыбкой:

– Никаких формальностей, сын мой. Все, присутствующие, – он обвел ладонью комнату, – пришли выразить свое уважение, и признательность за Ваши подвиги.

Старик хмуро улыбнулся, а потом его взгляд потек, стремительно теряя ясность и целеустремленность. Зрачок подернулся мутной поволокой, глаза стали водянистыми, набрякшими. Он слабоумно обмяк, зашамкал, и блаженно улыбаясь, начал осматривать каюту, все время к чему-то

прислушиваясь.

– А эти, что, то же пришли, почтить? – пролепетал Старик после долгой паузы, указывая дрожащим пальцем на двух мужчин.

– Да, – спокойно ответил отец Августин, от взгляда, которого не укрылись столь стремительные метаморфозы своего духовного чада.

– Не узнаю. А ну-ка, сынка, подойди.

– Прекрати, папа! – возмущенно взвизгнула одна из женщин, та, что все это время нервно терзала четки. – Это мой муж, Карлос! Мы женаты уже 20 лет. Ты был на свадьбе!

Карлос, смущенно затоптался на месте, вопросительно поглядывая на отца Августина.

– А, доченьки! – громко закричал Старик, рассеяно шаря безумным взглядом по каюте. – Пришли, наконец! Столько лет не видел! Муж, говоришь? Так ты же, вроде, выскочила за гниломудого хозяйчика? А, этот вроде ничего. Иди сюда, сыну, расскажи мне о моих внуках.

– Все! Я так больше не могу! – женщина истерично метнулась в сторону, явно порываясь уйти, но ее остановила сестра, крепко схватив за предплечье.

– Позволь мне, сын мой, направить тебя на верный путь, – поспешно вмешался в скандал отец Августин. – Прежде чем, подготовить тебя к тайне Последней Пасхи, я бы хотел спросить, – он благостно вздохнул, – желаешь ли ты начать таинство Покаяния и Примирения с пожертвования на пользу

страдающих и заблудших чад Господних в Пустошах?

Старик покосился на священника свинцовым глазом:

– А, сколько нужно, чтобы они не страдали?

Священник смущенно кашлянул в кулак.

– Жертвую по двойному тарифу. Эти бедолаги станут счастливей, узнав, что, наконец, один из карателей издох, – ответил Старик, после некоторых размышлений.

Отец Августин озабоченно встрепенулся.

– На сии операции Вам была выдана индульгенция. Найдите в душе своей истинные грехи для сокрушения, а пока я прочту Вам Слова Божии, чтобы осветить совесть и побудить к раскаянию.

После сокрушения и раскаяния пришел черед исповеди. Все присутствующие, утомленные дискантом отца Августина, когда тот нараспев читал религиозные тексты, и полубредовым бурчанием Старика, вольно расположились в креслах.

Даже швейцарцы, которые поначалу пытались сохранять стойкость, и с почтением внимали каждому слову легендарного ветерана, спустя два часа сникли и, прикрываясь беретами, украдкой начали зевать.

Наконец священник немного отстранился от больного, и жестом потребовал, чтобы гости подошли к кровати.

Старик какое-то время молчал, обводя иступленным, колким взглядом, собравшихся, так словно, смотрел на них уже стоя за порогом иного мира. Затем, наконец, произнес, со-

вершено отчетливо и твердо, как в молодости:

– Как бы я хотел, что бы все это было сном – потом он немного помолчал, с удовольствием втягивая носом фильтрованный воздух, потребовал: «Выключите музыку, я буду говорить долго».

Когда его желание было выполнено, он продолжил:

– Я знаю, что не сплю, потому что я вижу картины из прошлого и настоящего, а будущего уже не вижу. Мне неподвластно ничего, чтобы я мог изменить. Не могу убить, содрать, полюбить, создать, даже встать не могу. Я беспомощен, и впервые в жизни мне от этого хорошо.

Он сделал еще одну короткую паузу, потом заговорил вновь:

– Смотрю я на вас, и мне становится грустно. Не в обиду, но вы не знаете и половины того, что знаю я. Возможно, даже сейчас не понимаете, о чем я говорю, – Старик внезапно рассмеялся, близоруко щурясь и хлопая себя ладонью по бедру.

– Вы вот, – он ткнул пальцем в молодого лейтенантика в синем сукне, – знаете, что я герой. Единственный живой герой Зауральского Крестового похода.

А вы, – и он наотмашь ударил ладонью по руке дочери, – считаете, что я сволочь, дрянной человек, которого никогда не было рядом, но у которого появились деньги и власть.

Вот эти двое, – Старик уничижительно кивнул в сторону зятьев, – ничего обо мне не знают, просто бояться как огня, потому, что я еще могу дать им крепкой порки.

А ты... – и он дернул за сутану отца Августина, потом махнул рукой, – А, Бог с тобой!

Затем перевел дыхание, и было видно, как сходит с лица воспаленный румянец, а вместе с ним постепенно отступает бред. Старик прокашлялся, затем попросил воды. Напившись, он медленно продолжил:

– Святой отец, я хочу, чтобы моя исповедь была прилюдной, потому что я уверен, она будет интересна и поучительна для всех присутствующих.

Потом он обратился к остальным:

– Вы не раз слышали сухую и логичную историю моего подвига. И вот спустя многие годы, я наконец расскажу вам подробно, в красках, как я стал Героем!

Этот подвиг привел меня к той смерти, которой я сейчас умираю. И он – то, что я хотел бы вспомнить пред тем, как лягу в закрытый гроб.

I

За свою жизнь я видел Полис множество раз. И все это время, он менялся, тяжелел, наращивал жевательные мышцы. Он рос вширь, потом вверх, потом опять вширь, становясь все более пестрым, хаотичным, неповоротливым.

А тогда... Тогда, какой же это был год? Не вспомню.

Тогда Полис еще достраивался. Это был невероятно амбициозный проект. Ничего подобного в мире европейцы еще не строили. Он был воплощением будущего. Того самого, которое прочили человеческой цивилизации фантасты! И все это, через каких-то три десятилетия после Катастрофы.

Вы только подумайте! Три яруса, самый престижный из которых, парит в воздухе! На Среднем, деловом: голограммы всех центральных архитектурных памятников Европы, потребительские Валгаллы³ гипермаркетов, благолепие интерактивных технологий, офисная чистота и дешевый интернет.

Ну, а Нижний... Нижний ярус сразу проектировался как фильтр. Некое реальное воплощение философии карьерного роста. Полис привлекал к себе рабочую силу со всех уголков перекореженного мира, и этой силе давалась возможность

³ 3. Вальгáлла (прагерм. *Walhall* – «дворец павших») в германо-скандинавской мифологии – небесный чертог в Асгарде для павших в бою, заслуженное счастливое посмертие для доблестных воинов.

приобщиться к амброзии⁴ Среднего уровня. Но для этого, нужно было выслужить, выстрадать, пережить.

Еще тогда, я успел побывать на всех уровнях Полиса. Мне посчастливилось. Я смог увидеть и «хорошую жизнь», и ту, что имеет в этом мире слишком мало акций.

В работе контрактного наемника, выпадают те славные моменты, когда тебя берут телохранителем, и вуаль-ля, ты на «вершине мира». Хотя, в воздушных отелях и бизнес-центрах, меня не пускали дальше охраны кухонь и сортиров, я украдкой, все-таки, смог разглядеть всю роскошь Верхнего яруса. И самих выхоленных «хозяев жизни».

Проклятые буржуи. Я, конечно, не был неосоциалистом... нет. Просто, по происхождению, я русский. А у них это в крови. Ненавидеть тех, кто сытнее, богаче и удачливей тебя. Они бесятся, грызут себя, но зачастую, загнаны в такой угол, в котором нет возможности ничего изменить.

Вы бы видели, как пыжился мой наниматель. Большая шишка в пани-Московии. Светлая ему память. На фоне, вылизанных глав корпораций, (ей богу, мне тогда казалось, что у них есть особые слуги, которые каждое утро, облизывают этих гадов), он выглядел как-то куцо, грязно. Не тот фасон, не тот размах, и не та культура.

А женщины! Какие там женщины! Вы бы видели! Гладенькие, ароматные. Ахrrrrr... аж уд тянет. Так бы и схватил их за крашенные патлы, а потом, с оттягом, с оттягом, по лицу.

⁴ 4. В греческой мифологии – пища богов, дарующая им бессмертие.

Вам не понять, каково это, страстно желать попасть в такое место, и одновременно, всей душой его ненавидеть.

Однажды, на ночном дежурстве, в коридоре, я глянул, из панорамного окна, вниз на Старый Город. У меня дух захватило. Я видел, одновременно, и Эйфелеву башню и Тауэр и Колизей, а с ними, еще кучу всякой европейской старины. Звезды в африканском небе, над городом, казались по сравнению с памятниками, тусклыми плевками. Я парил над всем этим, в летающем бизнес центре класса люкс, и думал, что душу бы отдал, лишь бы мои дети не жили как я. А смогли оказаться бы здесь – в месте, где безнаказанно можно мочиться всем на головы и не утопать самому по уши в навозе.

Днем голограммы выключили. От этого деловой центр, под палящим солнцем бывшего ЮАР, превратился в нагромождение безликих зданий и огромных пыльных конусов. Но, даже, глядя на такой ширпотреб, мысль о том, что это и есть благополучие не покидала меня.

Да, я видел «хорошую жизнь». И тогда, картины эти меня дразнили, зачаровывали. Себе я такой судьбы не желал. Нет. Хотя бы, дочкам. Вспоминая о них, я подписал документы на вступление в Зауральский Крестовый поход.

Знаете, перед отъездом домой, когда мой патрон закончил свои дела, я забрел на Нижний ярус. Монолитный, перенаселенный и душный, он был мне по душе. Ярус оттанцовывал в агрессивном припадке, лишенный солнечного света,

бесплатного воздуха и воды. Это место было похоже на мою родину, но имело иной статус. Поселиться здесь, считалось, успехом, достижением. Еще бы! Получить вид на жительство в Полисе!

Вокруг города и его округов, плодились тупые техноварвары⁵, грязные аборигены, всякий сброд. После терактов и Катастрофы, столько падали развелось, что хоть трави. Но жители Нижнего яруса к ним не относились. Они уже прошли отбор из всякого мусора. Они уже могли быть полезны Полису, даже если вся эта полезность заключалась в клининге и спекуляции. Они превосходили на порядок, по уровню жизни, и по самосознанию тех, с кем жили до этого. И каждый обитатель Нижнего яруса знал это. Потому что он обрел шанс пробиться наверх. Опять же, не для себя. Для детей, внуков, правнуков.

И представьте, посреди всего этого безумия, какой-то дурак надрывал глотку с призывом стать счастливее, жить добрее и прочую ересь. Местные прохожие таких просто не замечали. Сквозь плотный заградительный поток рекламы, которая лилась прямо в сознание из пьезодинамиков прижатых к черепам, голос старого усилителя услышать было невозможно. Когда я проходил мимо, он сунул мне мятую листовку. Я бегло прочитал, и меня такая злость взяла.

⁵ 4. Техноварвар – представитель социального класса. Отличается низким культурным развитием, но имеет навыки использования в быту продуктов научно-технического прогресса. Тв. не способен воспроизвести продукт сам или понять, как тот работает.

Я двинул его по морде, лихо, без всяких предупреждений. А потом взял за грудки, встряхнул, подтянул к себе и спросил: «Как?! Как жить лучше, как стать счастливее?!». Лицо у него, надо сказать, было на редкость глупое. По ходу спектакля, он, наверное, обделался. И знаете, что он мне ответил? Да, ничего! Только ткнул трясущимся пальцем вверх, и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.